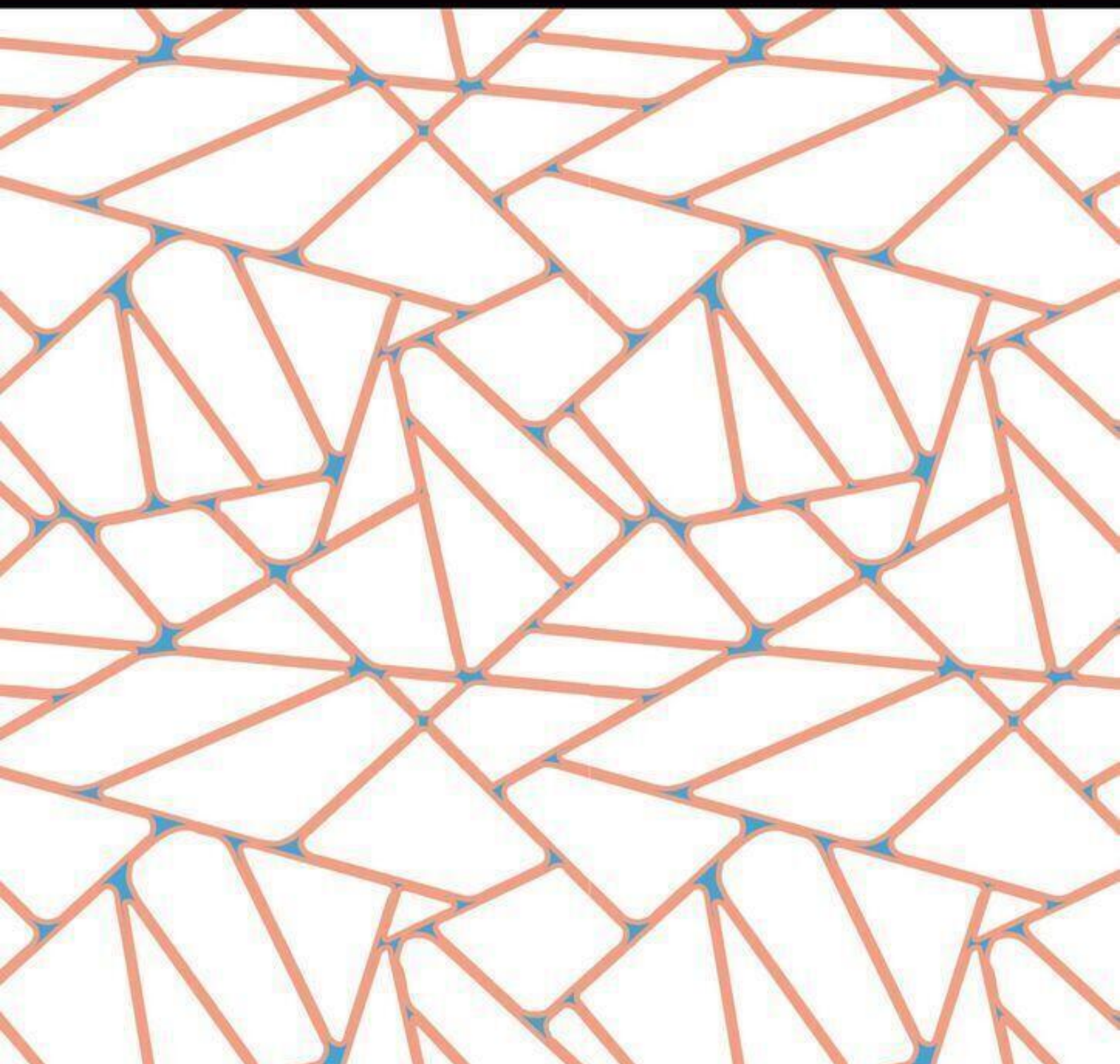

18+

TATYANA PUSHKINA

Хроники памяти. Невыдуманные истории

Tatyana Pushkina

**Хроники памяти.
Невыдуманные истории**

«Издательские решения»

Pushkina T.

Хроники памяти. Невыдуманные истории / Т. Pushkina —
«Издательские решения»,

Знаете, есть вещи, которые не расскажешь в двух словах. Их нужно только чувствовать и проживать, как старую фотографию, которую долго рассматриваешь, боясь дышать. Я написала её для себя, чтобы не забыть, как пахнет бабушкин пирог. Как дед, вернувшись с фронта, молчал о войне, но носил в кармане пуговицу — на память. Эти истории — не только мои. Они про всех нас. Про двор, где мы росли. Про тех, кого уже нет, но чьё тепло мы всё ещё чувствуем.

© Pushkina T.

© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Благодарности	7
Аннотация	8
Живой дом и кошка, которая чувствует душой	9
Чугунный фонарь, который видит сердцем	11
Сломанные часы, которые собирают время	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Хроники памяти. Невыдуманные истории

Tatyana Pushkina

© Tatyana Pushkina, 2026

ISBN 978-5-0070-4934-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Меня зовут Татьяна Пушкина. В этой книге я собираю забытые рассказы, которые живут в старых вещах. Эта книга — приглашение в мой мир, где время течёт медленно, а каждая вещь хранит чью-то душу. Я не могу остановить время, но я могу сохранить тёплые воспоминания о тех, кто в нём жил.

Пусть эти страницы напомнят вам вкус любимого ароматного напитка и то чувство, когда вы — дома. Здесь нет громких сюжетов, но есть тепло, которое останется с вами ещё несколько часов после прочтения, а может и навсегда.

Благодарности

Дорогие читатели, спасибо, что впустили эти маленькие рассказы в своё сердце — туда где живёт самое важное.

Пусть они останутся с вами надолго. Как память, как чувство, что где-то есть место, где вас всегда любят, помнят и ждут!

Аннотация

Когда я начинала писать эти рассказы, я думала, что пишу про вещи. Про старую скамейку. Про фарфоровый сервиз. Про банку с пуговицами. Про фонарь, который видит сердцем.

А потом я поняла, что я пишу про людей, которых уже нет и про тех кто рядом. Про время, которого не вернуть. Про эпоху, когда чай пили из блюдца, а письма ждали месяцами.

Каждый рассказ в этой книге — чья-то жизнь. Моя бабушка, которая заваривала чай в треснувшей чашке и говорила: «Главное — не посуда, а тепло, что живёт в сердце».

Мой дед, который ушёл на фронт и вернулся с пуговицей в кармане. Весёлый смех моих родителей и младшей сестры. Соседка баба Шура, которая каждое утро поливала герань и рассказывала о своей молодости.

Та самая парочка, что целовалась на скамейке у подъезда, пока горел фонарь. Ребята, которые выросли, гоняли мяч, а потом разъехались кто куда, но что-то общее навсегда осталось между ними. И старая кошка, которая дремала на подоконнике и видела всё.

Моя семья. И все те люди, которые когда-то были рядом — даже те, чьих имён я уже не помню, но чьё тепло осталось со мной навсегда. Я не хочу, чтобы они исчезли, поэтому я их записала.

Я написала эту книгу для себя, чтобы не забыть важные моменты. Те, из которых соткана жизнь. Те, что делают нас теми, кто мы есть, чтобы остановить время хотя бы на страницах.

Но теперь эта книга для тебя! Открой любую страницу и кто знает, может, ты найдёшь в ней свой дом. Свою скамейку у подъезда. Своих любимых, которые когда-то любили и верили, что их будут помнить всегда.

Добро пожаловать домой! Пусть эти рассказы станут тёплым дополнением уютного вечера.

Живой дом и кошка, которая чувствует душой

На самой окраине города, там, где фонари мигают усталым жёлтым светом, а асфальт давно сдался и превратился в пыльный просёлок, стоит старый, покосившийся дом. Краска на стенах облупилась и теперь напоминает старую карту, где вместо стран — годы.

Крыльцо скрипит так жалобно, что кажется, что оно помнит каждую ногу, что на него ступала. А окна смотрят на мир чуть прищурившись, как усталые глаза, которые видели слишком много рассветов.

Но этот дом — живой. Это чувствуется, как только перешагиваешь через порог и как будто попадаешь в другую, более размеренную жизнь. Здесь воздух течёт иначе, а тишина звучит громче любых слов.

Внутри всегда чуть теплее, чем снаружи — даже когда печь давно остыла. Половицы — старые, прогнувшиеся, но не скрипят под ногой, а поют низким, древесным голосом.

Пахнет в нём не сыростью и плесенью, а печёным хлебом и мятой, а ещё чем-то неуловимым — то ли детством, то ли тишиной, которую забыли в дневной суете.

Палисадник зарос сиренью так буйно, что калитку найдёшь не сразу. Кусты стоят фиолетовой и душистой стеной, закрывая дом от любопытных глаз.

А ещё здесь почти всегда туман. Не тот густой, молочный, от которого ничего не видно, а лёгкий, прозрачный, как дымка над чашкой чая. Он приходит по вечерам, укутывает дом, садится на крыльцо и тихо наблюдает. Утром, ещё до рассвета, он поднимается к окнам и задерживается на стёклах тонкой, прохладной пеленой.

Кажется, что дом живёт не просто на окраине города — а на самом краю, где реальность становится чуть мягче, чуть зыбче, и где обычные правила перестают работать.

Говорят, туман притягивает тех, кто потерялся, но не в дороге, а в себе. И люди действительно находят этот дом. Сквозь туманную дымку, сквозь усталость, сквозь неверие, что такое место вообще существует. Они идут, и туман расступается перед ними — нехотя, будто проверяя: точно ли ты сюда идёшь? Точно ли тебе это нужно? И если нужно — он пропускает.

В этом доме живёт старая кошка по имени Белка. Никто уже не помнит, когда она появилась. Одни говорят — прибилась котёнком много лет назад. Другие шепчут, что дом сам выбрал её, потому что без кошки он и не дом вовсе.

Белка прожила очень долгую жизнь. Шерсть её когда-то была рыжей, а теперь стала серебряной — как иней на проводах ранним утром. Усы — длинные, торчат в разные стороны. Один глаз чуть прищурен, будто она постоянно щурится от солнца, даже в самый пасмурный день. Она уже не бежит так резво как раньше. Не играет. Не охотится. Она — сидит на подоконнике, откуда видна дорога и наблюдает.

Белка любит лежать на старом вязаном кресле, которое помнит чьи-то молодые руки. Обожает нежиться на крыльце, когда садится солнце. Белка любит когда в дом приходят гости.

Она помнит старые времена когда двери не запирали, а калитка скрипела с утра до вечера. Помнит, как пахло от гостей — табаком, дождём, мятным чаем. Помнит тех, кто уже не придёт: высокого деда с папиросой, соседку тётю Зину, которая всегда приносила молоко в крынке. С ними Белка была ещё котёнком, а теперь они остались только в её памяти.

И когда новый гость садится на крыльцо, Белка будто ищет в нём отголоски тех, прежних лет. И, кажется, находит. Потому что люди, которым нужно молчание, — всегда немного похожи друг на друга.

В этот дом приходят люди и приходят они не просто так. Кто-то идёт, потому что внутри тяжело. Кто-то — потому что не знает, куда себя деть. Кто-то — потому что услышал от подруги: «Там есть кошка, которая понимает».

Они не говорят ей о своих бедах вслух, а просто садятся рядом и молчат. Белка смотрит на них своим прищуренным глазом — долго, внимательно — и вдруг подходит и ложится на колени. Или кладёт лапу на руку. Или просто трётся о ногу — так, что мурашки бегут по коже. И человеку становится легче, спокойнее. Потому что у Белки есть один секрет, тёплое молчание, в котором помещается любая печаль.

Белка не лечит и не советует. Она просто знает, когда нужно побыть рядом. И люди уходят с её крыльца не с ответами, а с тишиной внутри. И эта тишина иногда важнее любых слов.

Чугунный фонарь, который видит сердцем

На пересечении двух старых улиц, где булыжная мостовая ещё помнит цокот копыт, уже больше полувека стоит фонарь. Не тот современный, на тонкой гнутой ноге со светодиодной матрицей, а настоящий, чугунный, с ребристым стеклянным плафоном в форме перевёрнутой лилии.

Его покрасили в чёрный цвет так давно, что краска местами вздулась пузырями, а в одном месте кто-то когда-то нацарапал гвоздём сердце, пронзённое стрелой.

За эти годы фонарь видел столько, что хватило бы на тысячи человеческих жизней. Он помнит семидесятые, когда под ним каждое утро останавливался грузовик с хлебом. Мальчишка в застиранной куртке бежал к нему, чтобы первым купить еще тёплый батон за двадцать две копейки.

Фонарь равнодушно светил на очередь из женщин в платках и мужчин в кепках. На их разговоры о дефиците и погоде, на первые свидания, которые заканчивались у его подножия долгими прощаниями.

Восьмидесятые запомнились ему музыкой. Каждый вечер из распахнутого окна напротив гремел «Аквариум», и компания длинноволосых парней в потёртых джинсах рассаживалась прямо под фонарём, на нагретых за день камнях. Они говорили о свободе, о том, как важно быть собой, и курили одну сигарету на троих.

Фонарь тогда работал исправно — включался ровно в сумерках, и его желтоватый свет делал их молодые лица почти красивыми.

А потом что-то сломалось. Сначала в мире, потом и в самом фонаре...

Девяностые он помнит обрывками. Лампочка перегорела, и его не чинили почти два года. Фонарь стоял тёмным памятником самому себе, но все равно видел. Видел, как двое в кожаных куртках считали пачки денег, как плакала женщина, которую никто не ждал дома. Стекла в плафоне тогда разбили камнем или бутылкой, уже не важно. Кто-то повесил на его кронштейн чужую кожаную куртку, и она висела неделю, как пугало.

В нулевых его починили. Пришли весёлые ребята в оранжевых жилетах, сняли старый плафон, поставили новый, вкрутили экономную лампу, которая светит не жёлтым, а неприятным белым. Фонарь стал выглядеть аккуратнее, но какая-то жизнь из него ушла. Под ним больше не сидели. Под ним быстро проходили, уткнувшись в телефоны.

Один раз мальчик на самокате врезался в чугунный ствол — фонарь даже не качнулся, а мальчик заплакал, и мать, подбежав, стала ругать не ребёнка, а фонарь: «Вот дурацкий столб, поставили тут!» Фонарь, конечно, не обиделся. Он вообще не умел обижаться. Но он помнил другие времена, когда его не ругали, а благодарили — взглядом, случайным прикосновением или тем, что под ним назначали встречу. «У старого фонаря», — говорили тогда, и это звучало почти как пароль.

В прошлом году на соседнем доме повесили мемориальную табличку — какой-то поэт жил здесь в шестидесятых. Табличка маленькая, бронзовая, ее почти не видно днем. А ночью, если свет от фонаря падает под правильным углом, буквы оживают. Но никто этого не замечает, кроме кота из подворотни, который спит на тёплой крышке люка.

Сегодня под фонарём никто не стоит. Улица пуста, только ветер гоняет прошлогодний лист. И странное дело: хотя лампа исправно горит, кому-то из прохожих вон в том тёмном пальто кажется, что старый фонарь на углу светит чуть теплее, чем все остальные. Будто помнит что-то. Будто ждет кого-то. Будто не просто горит, а держит свет — для тех, кто ещё не разучился смотреть вверх.

Говорят, весной его обещают заменить на современный. Планировка улиц меняется, фонари должны быть единого образца. Но старый фонарь пока стоит. И по-прежнему видит всё — с высоты своих пяти с половиной метров, на которых когда-то кто-то нацарапал сердце, пронзённое стрелой.

Сломанные часы, которые собирают время

На старом комодике в маленькой квартире на третьем этаже стояли часы. Не напольные, не настенные, а обычные настольные деревянные, с резными ножками и круглым циферблатом под мутноватым стеклом. Их заводили раз в три дня, и они издавали тихое, уютное тиканье — как кошащее мурлыканье. Когда часы шли, в доме текла жизнь.

Их купили когда они были совсем молодыми — в 1987 году, в универмаге на соседней улице. Он тогда сказал: «Смотри, какие солидные. Как в старых английских фильмах». Она засмеялась и ответила: «Тогда нам нужен камин». Камина не было, но часы стояли на самом видном месте, и каждый раз, проходя мимо, они бросали взгляд на стрелки — сколько осталось до ужина, до прогулки, до того как позвонить маме.

Часы видели всё. Как родилась дочка — тогда их даже не завели вовремя, и они показывали половину второго почти сутки, пока он не вспомнил и не щёлкнул механизмом. Как дочка пошла в первый класс — стрелки замерли ровно в семь тридцать, и она прокричала из коридора: «Я успеваю!». Как ссорились и мирились, как пили чай за полночь и строили планы на будущее.

Часы не просто показывали время. Они его собирали. Как бусины на нитку: утро — день — вечер — ночь. Утро — день — вечер — ночь. Тысячи и тысячи раз. И каждый раз это была одна и та же, но всякий раз разная нитка.

А потом его не стало. Сердце остановилось в больнице, куда он попал с обычной простудой. Ей позвонили в шесть утра. Дочка тогда была в другой комнате, спала. Часы показывали без пятнадцати шесть. Пять сорок пять утра. Она запомнила это на всю жизнь. Когда она вернулась из больницы — одна, белая, с бумажкой в кулаке, который не могла разжать — стрелки показывали пять сорок пять. Она села на стул, посмотрела на циферблат и вдруг поняла, что с тех пор, как она вышла за дверь, никто часы так и не заводил.

Она протянула руку к заводной головке и резко отдернула её. Словно если она заведёт часы — время продолжится. А если не заведёт — тогда его смерть так и останется здесь, в этом коридоре, в этом кресле, в этом предвечернем сумраке.

Но время ведь всё равно идёт, будто ничего не изменилось. Она слышала, как за окном проехала машина. Как запела птица. Как сосед сверху включил телевизор. Время шло, а эти часы больше не хотели в нем участвовать. С тех пор прошло десять лет... Часы так и стоят на комодике. Стрелки замерли на пяти сорока пяти.

Однажды дочка будучи подростком предложила: «Мам, давай их починим? Я знаю мастера на рынке». Мать покачала головой, ничего не объясняя. И дочка, кажется, поняла — тогда ещё не до конца, но уже что-то почувствовала, потому что больше никогда не говорила об этом.

Пыль оседала на стекле часов. Раз в полгода мать аккуратно протирала его мягкой тряпкой. Стрелки она не трогала. Они стали почти семейной реликвией — не работающей, но священной. Как икона, на которой нет изображения, но есть присутствие.

Иногда, поздно ночью, когда дочка уже спала, мать садилась в кресло напротив комода и смотрела на часы. При свете настольной лампы циферблат казался лицом, а стрелки — последним жестом. Пять сорок пять и рука застывшая на прощание.

Она уже не помнила голос мужа так отчётливо, как в первый год. Забыла, как пахла его кожа после душа. Но она точно помнила, что в то утро, когда всё случилось, часы показывали без пятнадцати шесть. И эта картинка была врезана в неё глубже любой фотографии.

Дочка выросла. Уехала учиться в другой город и вернулась — уже с сыном. Маленький, шумный, вездесущий Сашка. И вот однажды он, как и положено детям, полез куда не надо — залез на табуретку, дотянулся до комода, уставился на часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.